

2. См 132

м: 57245 (113)
47-75

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВЪСѢХЪ.

БИБЛИОТЕКА
41 АВГ. 1911
И. М. У.

Американскій Православный ВѢСТНИКЪ.

„Russian Orthodox American Messenger“

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей)

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц.

Single copies at 15 cents

Rev. A. Hotovitzky, Publisher.

15 E. 97th St. N. Y. City

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No. 11. Vol. XV. — NEW YORK, JUNE 14 1911, 14 Іюня 1911 г. No 11.

Разности церквей Восточной и Западной въ ученіи о Пресв. Дѣвѣ Маріи Богородицѣ.

Differences in the Church Doctrines of the Orthodox and Roman-Catholic Churches.

The Dogma of the immaculate Conception. — By the Very Rev. A. Lebedeff.

(Продолженіе.)

(Continued.)

2 Февраля 1849 года папа Пій IX-й отправилъ свое знаменитое «Окружное Послание» «ubi primum» ко веѣмъ іерархамъ католическаго христіанства, и затѣмъ составилъ комиссію изъ кардиналовъ и знаменитыхъ богослововъ, которые должны были подвергнуть изслѣдованію это дѣло. — Кромѣ того, каждый

On February 2, 1849, pope Pius IX sent out his well-known Encyclical *ubi primum* to the members of the hierarchy, and then called the committee of cardinals and renowned theologians, who were to investigate the cause. — Moreover, every bishop was to report as soon as possible concerning the attitude of clergy and

епископъ долженъ былъ сколько возможно скорѣе сообщить свѣдѣнiе о томъ, какъ настроень его клиръ и народъ по отношенiю къ зачатiю непорочной Дѣвы и горитъ ли желанiемъ, чтобы состоялось опредѣленiе объ этомъ ученiи; но въ особенности архиепископы должны были сообщить свои собственные взгляды и желанiя по этому предмету.

«Свыше пятисотъ католическихъ епископовъ отвѣтили на это папское посланiе; 490 были совершенно согласны... и только 18, говорю и пишу 18, заявили свое несогласiе. Но изъ этихъ 18 ни одинъ не стоитъ на точкѣ зрѣнiя оскверненнаго зачатiя; 17—подвергаютъ сомнѣнiю или оспариваютъ благовременность опредѣленiя, а одинъ и только одинъ выражаетъ сомнѣнiе въ самой правоспособности или возможности опредѣленiя».

«Согласiе епископовъ, говоритъ авторъ, выходило столько же изъ пламеннаго почитанiя св. Дѣвы, какъ и почитанiя папы».—Онъ не приводитъ отзывовъ епископовъ на окружное посланiе папы; а между тѣмъ они весьма замѣчательны и заслуживаютъ того, чтобы на нихъ нѣсколько остановиться. Напр. одинъ удивляетъ насъ слѣдующими по истинѣ изумительными словами: «усердно прошу тебя, святѣйшiй отецъ, тебя, хранителя и судiю вѣры, тебя, который отверзаешь небо и, просвѣщаясь высшимъ свѣтомъ, узнаешь сокровенные совѣты и тайны Божiи, тебя, дружески обращающагося съ I. Христомъ, Котораго ты служишь представителемъ, тебя, которому не плоть и кровь, но самъ Богъ открываетъ истину, открой намъ наконецъ то преимущество, какое усвоено было Пресвятой Дѣвѣ Марiи» и проч. «Святѣйшiй отецъ! пишетъ другой, — дойдя до второй части твоего окружнаго посланiя, я пришелъ въ смущенiе и замѣшательство при мысли, что орაკуль удостоилъ спросить меня о моемъ мнѣнiи, меня — послѣдняго изъ епископовъ! Признаюсь откровенно, св. отецъ, смущенiе и страхъ отняли бы у меня голосъ, языкъ мой прильнулъ бы къ гортани моей, я не въ состоянiи былъ бы произнести ни одного слова,

people towards the conception of the holy Virgin and also whether they were consumed with the desire that there should be a verdict concerning this question. But especially the pastors were to impart their own views and desires on the subject.”*)

“Over five hundred Roman Catholic bishops answered the papal epistle; 490 agreed entirely... and only 18, I say it and I write 18, announced their disagreement. But of these 18 none holds the view of the sinful conception; 17 doubt or dispute the timeliness of the edict, and only one expresses a doubt as to the legality and possibility of an edict.”*)

“The agreement of the bishops was the result of a fervent reverence for the holy Virgin as well as of the reverence for the pope.”

He does not mention the answers of the bishops, yet they are very remarkable and deserve that we should linger on them...

...For instance, one of them astonishes us by the following truly astounding words: “eagerly I beseech thee, most holy father, thee, who art the warden and judge of the faith, thee, who openest heaven and, becoming enlightened by the supreme light, learnest the secret councils and mysteries of God, thee, who treatest Jesus Christ as a friend, of whom thou art a representative, to whom no flesh and blood, but God reveals truth, reveal to us, at last, the prerogative which was assigned to the most holy Virgin Mary” etc... “Most holy father, writes another, having come to the second part of thy evangelical epistle, I was perturbed and confused at the idea, that the oracle deigned to ask me for an opinion, me the last of the bishops! I frankly confess, most holy father, confusion and fear would deprive me of my voice, my tongue would stick in my throat, I would not be able to utter a single word, if holy obedience did not impose on me the

*) “Zum Lobe, etc.”, p. 82.

*) Ibidem, pp. 82—83.

еслибы святая покорность не палагала на меня обязанности говорить» (р. 111); или «Тебѣ достоитъ говорить, а намъ слушать, слагать и хранить въ своемъ сердцѣ слова жизни, которыя ты изречеши» (р. 124). Потомъ нѣсколько голосовъ повторяютъ вмѣстѣ: «мы предоставляемъ это дѣло суду твоей святости, мы полагаемся на твою высшую мудрость и напередъ подчиняемся твоему непогрѣшному рѣшенію».

Едвали можно серьезно ссылаться на такое согласіе епископовъ; оно свидѣтельствуется не столько въ пользу новаго догмата, сколько о чрезвычайныхъ усилѣхъ, какіе сдѣлала въ послѣднее время идея папизма.

Оставляя безъ вниманія голоса 490 епископовъ, авторъ исторіи догмата останавливается на заявленіяхъ, несогласныхъ съ желаніями папы, приводитъ два изъ нихъ и занимается ихъ разборомъ. Онъ дѣлаетъ это съ тою цѣлю, чтобы, во первыхъ, каждый могъ убѣдиться, какая *господствуетъ свобода* въ обращеніи епископовъ съ своимъ архипастыремъ, а во вторыхъ, чтобы осязательно узнать, какъ неосновательно было безпокойство несогласныхъ епископовъ. — Двое были Дипенброкъ, князь-епископъ изъ Бреслау, и архіепископъ парижскій.

«Въ столь важномъ вопросѣ, писалъ Дипенброкъ кардиналу статсъ-секретарю Антонелли 24 дек. 1849 г., нельзя выпускать изъ виду Германію, и именно ту католическую часть ея, которая подвержена нападеніямъ изъ протестантскаго лагеря... Нельзя не замѣтить, что Провидѣніе пользуется событіями нашихъ дней, чтобы людямъ размышляющимъ выставить истинность католической церкви. Твердость ея іерархическаго построения, которое противостоитъ всѣмъ потрясеніямъ, колеблющимъ троны, и которые своимъ вліяніемъ на вѣрующихъ упрочиваетъ государственный порядокъ, — твердое и безупречное поведеніе духовенства, которое убѣждаетъ вѣрующихъ къ послушанію и вѣрности даже протестантскимъ правительствамъ, тогда какъ протестантскіе проповѣд-

duty to speak.” Or “it is for thee to speak, for us to listen, to deposit and to guard in our hearts the words of life, that thou speakest.” After this, several voices repeat together: “we give over this cause to the judgment of thy holiness, we rely on thy superior wisdom and submit beforehand to thy infallible decision.”

It is hardly possible seriously to refer to this kind of agreement of the bishops. It bears witness not so much to the new dogma as to the extraordinary progress of the idea of papacy in recent times...

Leaving without notice the voices of 490 bishops..., the author of the history of the dogma lingers on the answers contrary to the will of the pope mentioning two of them and analyzing them. This he does, first, that anybody might be convinced of the great *freedom* prevailing in the relations of the bishops with their supreme pastor, and, second, palpably to learn, how groundless was the uneasiness of the disagreeing bishops.

These two were Dipenbrock, prince — bishop of Breslau, and the archbishop of Paris. Dipenbrock wrote, 24 December, 1849, to cardinal Antonelli: “In such an important affair, Germany must not be disregarded, namely its catholic fraction, which is subject to attacks from the protestant camp... It is impossible not to note, that Providence uses the events of our days, to bring into relief the truth of the Catholic church before the thinking people. The firmness of its hierarchical construction standing all the shocks, by which thrones are made unstable, and strengthening the order of governments by its influence on the believers, the austere and irreproachable of the clergy, which induces the faithful to obey governments even if they are protestant, when protestant preachers remain silent or even work with the democrats, the personality of the pope, this example of all the virtues in the midst of heavy trials, — all this together and especially the sturdiness

ники остаются нѣмы, если только не дѣйствуютъ заодно съ демократами, — личность папы, этотъ образецъ всѣхъ добродѣтелей и среди тяжкихъ несправедливостей, — все это, по въ особенности, сила и твердость католицизма, который тѣмъ болѣе преуспѣваетъ, чѣмъ больше предоставляется ему свободы, между тѣмъ какъ протестантизмъ, поддерживаемый единственно опекою правительства, разлагается, какъ непогребенный трупъ отъ прикосновенія воздуха, — все это, говорю, на мыслищящие умы производить глубокое впечатлѣнiе и производить оное ежедневно; чешуя мало-помалу спадаетъ съ глазъ, свѣтъ проникаетъ и начинается нѣкоторое движенiе къ свѣту, могущее повести далеко, даже прямо къ желанной цѣли; триста лѣтъ блуждавшя звѣзды могутъ опять вступить на свой путь, и быть можетъ даже прежде, чѣмъ истечетъ четвертое столѣтiе, — если не случится новой пертурбацiи. По мнѣнiю весьма ревностныхъ и просвѣщенныхъ католиковъ, такое новое возмущенiе неминуемо наступило бы, если бы св. престолъ дѣйствительно издалъ догматическое опредѣленiе по данному вопросу. Такое опредѣленiе по истинѣ было бы живительной пищей отоцавшимъ и голоднымъ предубѣжденiямъ протестантовъ. Протестантскiе проповѣдники и писатели, которые борются *pro aris et focis*, схватились бы за него какъ за желанную добычу, чтобы своимъ крикомъ противъ «папизма и фабрикацiи догматовъ, изобрѣтенныхъ по истеченiи 18 столѣтiй», снова оглушить свой бѣдный народъ. Невѣрующiе вмѣстѣ съ пiетистами составили бы хоръ и на эту св. тайну изрыгнули бы несчастныя волны насмѣшекъ и богохульства. Но особенно отличилась бы при этомъ пишущая жидовская молодежь. Вотъ что—совнѣ. Внутри, въ богословскихъ школахъ, воспламенился бы снова старый споръ, утихнувшiй стоило столько труда. Такой деликатный пунктъ, какъ непогрѣшимость папы, былъ бы втануть въ этотъ споръ, и пламени данъ бы былъ новый материалъ для

and strength of catholicism, which prospers the more, the more liberty it is afforded, whereas protestantism solely supported by the wardenship of the government, decomposes like an unintered corpse from the touch of the air, — all this, I say, makes a profound impression on thoughtful minds and makes it daily; gradually scales come off the eyes, light penetrates and there begins a certain motion towards light, which may lead far and ever straight to the desired goal; stars which have wandered during 300 years may once more enter their orbits, possibly even before the disappearance of the fourth generation, — if there occurs no new perturbation. In the opinion of very fervent and enlightened catholics, a new perturbation of this kind would inevitably come to pass, were the holy see actually to publish a dogmatical decree concerning the present question. Such a decree would truly be food for the worn and hungry prejudice of the protestants. Protestant preachers and writers, who struggle *pro aris et focis*, would catch hold of it as a wished for prey, in order to deafen once more their poor people by shouts against “the popism and the fabrication of dogmas invented after the passage of 18 centuries.” The unbelievers together with the pietists would compose a single chorus, vomiting on this holy mystery impure waves of ridicule and blasphemies. Especially young Jewish writers would surpass themselves. This outwardly. And inwardly, in schools of divinity the ancient dispute would be rekindled again, the quenching of which demanded so much effort. Such a delicate point as the infallibility of the pope would be drawn into the dispute, and the flames would receive new fuel for burning. The opposition of a certain part of the clergy contaminated with neologism, in the Rhenish provinces, in Baden and Bohemia, would find food in it; and ultimately, instead of edification and the rise of piety and rever-

горѣнія: Противодѣйствіе въ некоторой части зараженнаго неологизмомъ клира въ Рейнскихъ провинціяхъ, въ Баденѣ и въ Богеміи нашло бы въ немъ себѣ пищу; и въ концѣ-концовъ, вмѣсто назиданія и поднятія благочестія и благоговѣнія въ католикахъ, оказались бы только затрудненія, расколы, соблазны и замѣшательства совѣй и внутри, — обстоятельства, которыя въ наши дни въ тысячу разъ опаснѣе, чѣмъ въ прошедшія столѣтія. Я говорю вамъ, какъ органу папы, и повторяю еще разъ, что нахожусь въ согласіи со всеми ревностными и просвѣщенными католиками нашей земли относительно высказаннаго взгляда. Благоволите, мил. гос., сдѣлать изъ этого письма употребленіе, какое найдете приличнымъ. Сказалъ и спасъ свою душу» (*Dixi et salvavi animam meam*).

По нашему мнѣнію, епископъ разсуждалъ совершенно справедливо и слѣдовало бы римскому престолу внять его предствленія. Правда, отъ большинства пельзя было ожидать въ теперешнее время какого-нибудь возмущенія; но придетъ время, когда панизму-придется считаться съ мыслящими христианами и по этому вопросу...

«Архіепископъ парижскій отправилъ по этому случаю два письма: одно—краткое, на французскомъ языкѣ, а другое длинное — на латинскомъ. «Я созывалъ на совѣтъ, такъ говоритъ онъ въ послѣднемъ, — вліятельнѣйшихъ людей и извѣстнѣйшихъ богослововъ моего округа, и все они думаютъ одинаково со мною, что отъ обнародованія предполагаемаго декрета для церкви произойдетъ тяжкій вредъ и, можетъ быть, великое несчастіе. И я самъ вмѣстѣ съ ними утверждаю, что ни церковь, ни св. престолъ ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права вводить ученіе о непорочномъ зачатіи въ рядъ членовъ вѣры или истинъ католической вѣры. — Я иду, святѣйшій отецъ, еще далѣе, чѣмъ упомянутые богословы; я сомнѣваюсь, чтобы церковь или св. престолъ могли въ торжественномъ декретѣ утвердить, что это ученіе вѣрно и должно

ence in the catholics, there would appear only difficulties, dissents, temptations and confusions outside and inside. — circumstances which in our days are a thousand times more dangerous, than in the past centuries. I speak to you as to the organ of the pope, and repeat once more, that I am in agreement with all the fervent and enlightened catholics of our land concerning the above expressed view. Deign, dear sir, to give this letter the use you will find befitting. *Dixi et salvavi animam meam.*»

In our opinion the bishop reasoned quite justly, and the Roman see ought to have listened to his representations. It is true... that no revolt of any kind could be expected at that time; but there will come a time when papacy will have to reckon with thinking Christians in this question also...

“The Archbishop of Paris sent two letters on this occasion, one short in French, the other long in Latin. “I called a council, says he in the latter, of the most influential men and the best known theologians in my province, and they all think equally with me, that much harm and, perhaps, great calamities will come to the church from the publication of this decree. And I also maintain with them, that neither the church, nor the holy see have by any means the right to introduce the teaching of the immaculate conception into the rank of articles of faith or truths of the catholic belief. I go still further, most holy father, than the above mentioned divines; I doubt that the church had the right to confirm in a solemn decree, that this teaching is true and must be accepted by all under penalty of capital sin and eternal damnation.”

Having expressed his various doubts in 58 paragraphs, the archbishop concludes: “and so, it is at least doubtful, that the church may proclaim the teaching of the immaculate conception as a true teaching obligatory for all. And when its rights are dis-

быть принимаемо всеми подъ угрозою смертнаго грѣха и вѣчнаго осужденія».

Затѣмъ, изложивъ различныя сомнѣнія въ 38 параграфахъ, архіепископъ заключаетъ: «итакъ по меньшей мѣрѣ сомнительно, можетъ-ли церковь объявить учене о непорочномъ зачатіи за вѣрное и общеобязательное. Но гдѣ ея правоспособность можетъ быть подвержена спору, тамъ слѣдуетъ ей молчать, особенно въ настоящее время, когда нѣтъ никакой необходимости говорить. Отъ нашего святѣйшества сверхъ того не скрыто, что многіе изъ богослововъ, писавшихъ объ опредѣляемости этого вопроса, и нѣкоторые изъ такихъ, которые питаютъ высокое уваженіе къ св. престолу, идутъ гораздо дальше насъ, такъ какъ правоспособность церкви въ опредѣленіи вопросовъ не только считаютъ сомнительною, но и прямо отрицаютъ ее... Мы, святѣйшій отецъ, считаемъ это дѣло только сомнительнымъ и думаемъ, что въ сомнительномъ слѣдовало бы удержаться. Поелику далѣе для невѣрующихъ и еретиковъ непорочное зачатіе нельзя доказать ни изъ священнаго Писанія, ни изъ Преданія; поелику сверхъ того противъ него можно представить со стороны разума и науки по существу необъяснимыя или, по меньшей мѣрѣ, неудоборазрѣшимыя трудности, то католическая церковь, если она упомянутое мнѣніе объявитъ въ торжественномъ опредѣленіи общеобязательнымъ, — въ возгорѣвшейся потомъ борьбѣ останется безоружной и безсильной. Такого рода ударъ унижитъ уваженіе къ церкви, потрясетъ достоинство ея декретовъ и дастъ поводъ къ тому, что истина ея вѣроопредѣлений будетъ отвергаться еще дерзновеннѣе. Но еслибы даже этого не случилось, еслибы декретомъ, о которомъ идетъ рѣчь, церковь и не поколебала своего священнаго и непогрѣшимаго авторитета и не подвергла предъ лицомъ невѣрующихъ и еретиковъ опасности сокровища уже опредѣленныхъ откровенныхъ догматовъ, — во всякомъ случаѣ одна бесполезность декрета должна удержать отъ его (санкціи) утвержденія.

putable, it must keep silent, especially at the present time, when there is not the slightest need to speak. Moreover, it is not hidden from your holiness, that many among the theologians, who discussed the determinability of this question, and some among those, who feel the profoundest veneration for the holy see, have gone much further than we, as not only do they consider that the rights of the church in this case are doubtful, but simply deny them... Most holy father, we merely think that this is a doubtful matter and that in doubt one ought to abstain. As, further, the immaculate conception can not be proven to unbelievers and heretics neither by the holy Scripture nor by tradition; as, moreover, there can be brought out against it essentially unexplainable or at least awkward obstacles, if the catholic church proclaims the above opinion to be universally binding in a solemn decree, in the struggle that will follow it will find itself weaponless and powerless. This shock will lower respect for the church, it will shake the dignity of its decrees and will offer a pretext for a still more daring negation of the truth of its definitions of faith. But even were it not to happen; if the church did not shake its sacred and infallible authority the decree under discussion, if it did not endanger the treasures of the already defined revealed dogmas in the face of unbelievers and heretics, in any case the uselessness of the decree must keep you from sanctioning it. Because, as we tried to prove, if the decree under discussion is harmless, it is useless; it is useless for the faithful, it is useless for the church, and useless for the increase of glory of the most blessed Virgin; this triple uselessness, not to mention the danger for the souls, is quite sufficient to give the name of irregular to the path some people advise the chief high priest to tread'...

...From the application of the above mentioned principles to the doctrine of the immaculate conception, there results the fol-

Ибо, какъ мы старались доказать, декреты, о которомъ идетъ рѣчь, если не будутъ преданы то безполезенъ; онъ безполезенъ для вѣрующаго, безполезенъ для церкви, безполезенъ для возвеличенія славы преблагословенной Дѣвы; — эта тройкая безполезность, не говоря объ опасностяхъ для душъ, совершенно достаточна, чтобы обозвать незаконнымъ тотъ путь, которому нѣкоторые совѣтуютъ идти верховному первосвященнику».

Въ приложеніи вышеказанныхъ началъ къ ученію о непорочномъ зачатіи получается слѣдующаго рода силлогизмъ (латинская церковь безъ силлогизмовъ не можетъ обойтись): — ученіе о непорочномъ зачатіи нельзя доказать ни прямымъ свидѣтельствомъ священнаго Писанія, ни непрерывнымъ рядомъ святоотеческихъ свидѣтельствъ. Но за то оно доказывается согласіемъ всей Церкви за извѣстный періодъ времени. Такъ, наиримѣръ, за періодъ времени отъ 1849 по 1853 вся Церковь въ огромномъ большинствѣ своихъ представителей признавала это ученіе, какъ догматъ. А извѣстно, что Духъ Св., по ложному обѣтованію Христа Спасителя, ни на одинъ годъ, ни на одинъ мѣсяць не отступаетъ отъ Церкви. Слѣдовательно догматъ непорочнаго зачатія возведенъ въ число догматовъ по руководству Св. Духа. Слѣдовательно онъ есть истина. Таково латинское умозаключеніе!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

По Штатамъ и Аляскѣ.

Изъ дорожныхъ впечатлѣній спутника
Его Высокопреосвященства.

Клондайкскія ворота. — Подъ небесами. — Таможня въ облакахъ.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается... А тутъ и сказкѣ конца-краю не видно. Но, правда, и пароходъ не сѣшишь. Изъ Джуно въ Ситку рукой подать, а «Дольфианъ» нашъ чуть не двое сутокъ туда

following syllogism (the Latin church can not do without syllogisms): this teaching can not be proved by the direct witness of holy Scripture, neither by any uninterrupted series of testimonies on the part of the holy fathers. But as a compensation it is proved by the agreement of the whole church during a certain period of time. For instance from 1849 to 1853, the whole church in the great majority of its representatives accepted it as a dogma. And it is known, that the Holy Spirit never leaves the church, according to the true promise of Christ the Saviour. Consequently, the dogma of the immaculate conception was raised to the rank of other dogmas, under the guidance of the Holy Spirit. Therefore, this dogma is true. — Such is Latin syllogism.

(To be continued.)

съ заѣздами шель. Въ Скагвэй какъ пришли, сутки простояли. Но жалѣть — не жалѣли: ибо тутъ настоящее чудо свѣта увидѣли.

Пароходъ нашъ ничѣмъ отъ "City Cottage-a" не отличался. Только публики духовной на немъ очень много оказалось. Человѣкъ шитъ — римскихъ патеровъ съ сестрой милосердія, которая при нихъ въ качествѣ придворнаго фотографа состояла, и методисткѣй бишопъ съ пасторами. Римскіе патеры по обмысловенію особнякомъ держались, а методисты очевидно не теряли надежды въ лono своей общины по дорогѣ кого нибудь завербовать, и были очень общительны. Вотъ бы съ кѣмъ о. Всеволодъ душу отвелъ, кабы больше по англійски разумѣлъ. А то ходить онъ съ своей клюкой отъ двери къ двери, изъ каюты на палубу и обратно. — виды присеучили. Харлампій Аляскинскій, зрака Владычняго убоая, во свояси какъ шырнуть такъ и не показывался за всю дорогу, значить и тутъ діакону слова промолвить не съ кѣмъ было. — только и занятія, что всѣ бюллетени, что въ залѣ общей командой выѣшивались, отъ буквы до буквы прочитывались. И очень ими интересовался. И все звать — въ

содержаніе выскнуть, нѣтъ ли чего важнаго, ээстры какой...

Смотрю, горюетесь однажды ко мнѣ.

— Опять повѣслии заявляютъ...

— «Кого повѣслии?» — спрашиваю въ ужасѣ...

— Шутъ ихъ знаетъ, объявленіе какое то... Ничего не понять. Только цифра «24» по русски написана...

Въ «повѣщенномъ» объявленіи ничего страшнаго, къ счастью, не оказалось. Почтеннѣйшихъ пассажировъ извѣщала пароходная компанія, что если наберется 24 охотника обзавестись пятидолларными билетами, то въ Скагвэй будетъ снаряженъ специальный поѣздъ, въ которомъ до границы Канады и Штатовъ пробраться можно по самой замѣчательной въ свѣтѣ дорогѣ — White Pass, и вернуться обратно къ отходу парохода...

Упустить рѣдкій случай прокатиться надъ облаками — грѣхомъ было бы. Столько писалось объ этой дорогѣ, столько рассказывалось очевидцами, что вельзя было равнодушно пройти мимо такой диковины, и я поспѣшилъ доложить Высокопреосвященнѣйшему Владыкѣ о такомъ обстоятельстве и очень радъ былъ, когда послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Его Высокопреосвященство выразилъ согласіе и самъ совершить это восхождение по рельсамъ на высоты, которыя уже открылись взору путниковъ... Ущелье, глубокое ущелье между высокими затерянными свои вершины въ небесахъ горами... Съ незримыхъ высотъ во множестве низвергаются внизъ водопадами ручьи, вылетаются, точно пради въ босу, въ одно русло, ломаются, извиваются, брызжутъ и въ самомъ ущельѣ стояни водами образуютъ рѣчку, впадающую въ морской заливъ... Въ этотъ заливъ мы и вошли и стали у пристани, загроможденной грудями всевозможныхъ матеріаловъ, бочекъ, желѣза, и пр. и пр.

Пассажиры не терали ни минуты и быстро высадились на длинную неприхотливую пристань. Большого спутника нашего немисливо было брать съ собою, — добрую милю

падо было идти «на своихъ на двоихъ» до вокзальной платформы, и о. діаконъ, сознавъ свою немощь, только и могъ проводить насъ такимъ умилешнымъ взоромъ, какимъ провожаютъ дѣтки взрослыхъ оставляющихъ ихъ дома... Вотъ когда близокъ локоть, да не укусишь!.. Мы шли, шли, безъ конца шли... Наконецъ пришли и сѣли въ коротенькій, трехвагонный поѣздъ и поѣхали. Вначалѣ — это монотоннѣйшая поѣздка. Чахлый, на три четверти заброшенный городокъ... Наскоро выстроенные домки еще новы; но уже не обитаемы. Окна заколочены ставнями или досками, двери забиты. Очевидно, постройки оказались ненужными владѣльцамъ, по крайней мѣрѣ временно. А между тѣмъ, прямо изъ города выѣхали мы на небольшую поляну, всю покрытую шями недавно срубленнаго лѣса, — видно не исчерпана жизнеспособность городка коли уготовляютъ еще новую площадь для зданій. Но тутъ и конецъ прозѣ. Дальше разговоры пассажировъ переходятъ въ непрерывные «ахи» восторговъ, которыхъ дѣйствительно не удержать. Какая то волшебная дорога!.. Неужели человѣческая рука такъ могла побѣдить непобѣдимое? И даже теперь, возстановляя въ своемъ воспоминаніи видѣнныя картины, не вѣришь, что онѣ были — дѣйствительность, а не плодъ воображенія... Но и помимо сего, Скагвэй уже по одному огромному значенію, какое сыгралъ въ исторіи развитія Аляски, и какое суждено ему отселѣ еще долго играть, могъ бы рассчитывать на великодушныя редакція «Вѣстника» и ждать для себя болѣе мѣста, чѣмъ ему будетъ удѣлено... Что подѣлаешь, — «но одежекъ протягивай ножки», и потому будемъ кратки.

Представьте же себѣ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда магическое слово «Клондайкъ» пронеслось по бѣлому свѣту, и къ берегамъ Аляски двинулись и богатые и бѣдные, и молодые и старые, со всѣхъ краевъ, изъ всѣхъ сторонъ, почти вся эта лавя человѣческая закинула у Скагвэйскаго ущелья, ибо чрезъ него должна была прорываться

себѣ путь къ рѣкамъ теплымъ не медомъ и молокомъ, а въ буквальномъ смѣслѣ золотомъ... Но это ущелье было почти непроходимо, оно острыми углами вѣсивалось въ горы, обложенныя голыми скалами, заросшия основными кустарниками, перевитыя бурными потоками, все смывающими на своемъ пути... А золото неотразимо тануло, какъ магнитъ—жельзо, человекъ въ себѣ... И люди шли, не считывая силъ, не вида пропастей, не чувствуя голода, — шли со стономъ, съ воплями, съ проклятіями... Это было какое то безумное шествіе, — по трунамъ еще живыхъ людей. Но здѣсь оргія только еще начиналась, она послѣ и на рудникахъ поѣдала тысячи жертвъ, отпускаа только немногихъ счастливыхъ, да и тѣ — послѣ долгихъ испытаний, страданій, лишеній, съ мѣшками золота на своихъ плечахъ опять пробравшись этимъ же путемъ обратно, не выдерживали часто искуса, и здѣсь въ быстро заросшихъ вертепахъ въ нѣсколько минутъ прокучивали все, и находили смерть тамъ, гдѣ раньше она ихъ пощадяла... Сколько драмъ еще живы на устахъ и въ памяти мѣстнаго люда... Ихъ не перечесть: здѣсь могла людей безъ именъ, безъ крестовъ. Некогда и некому было ихъ спрашивать, некогда и некому было молиться...

Посмотрите вы и сейчасъ на эти горы, на этотъ путь, — невѣроятно! Ими идти — вѣрная гибель. А шли, и доходили! Минуло нѣсколько лѣтъ, и обычный американскій геній побѣдить неудобства. Прорѣзая скалы, разѣвая облака, и кое-гдѣ висел почти въ воздухѣ на какихъ то незримыхъ опорахъ, вьется все выше и выше рельсовый путь и по пути этому бѣжитъ локомотивъ, таща за собою порою десятки вагоновъ и тысячи человѣческихъ душъ... Гдѣ были стоны, тамъ «ахи» восторга. Гдѣ была угроза жизни, тамъ туристическая прогулка. Гдѣ предъ природой человекъ казался пигмеемъ, тамъ человекъ властно сказалъ свое слово, и царствуетъ какъ повелитель...

Мы ѣхали не минуты, а часы... Порою

изъ подъ рельсъ шума извергался водопадъ, порою надъ нами висѣли какъ Дамокловъ мечъ природныя арки отвѣсшихъ огромнѣйшихъ каменныхъ глыбъ, порою поѣздъ бѣжалъ по прирѣзаннымъ къ вертикальной голій скалѣ цементовымъ уступамъ, — вотъ отвалится и мы ринемся въ бездну. А она все растетъ и растетъ. Уже забѣгали облака внизу, уже снѣга показались у оконъ нашихъ вагоновъ, уже жалко намъ чуть видѣть, — «какъ ворона крыло чернѣется адалью»... И наконецъ на страшной высотѣ мы по какому то летучему мосту перебѣгаемъ въ послѣдній разъ на другую гору... Нѣтъ, увы! не въ послѣдній, потому что возвращаться придется. А тутъ въ самыхъ сердцевиноподобныхъ примѣчательныхъ мѣстахъ дороги поѣздъ приостановился на нѣсколько минутъ, давая путешамъ возможность покуривче запечатлѣть въ памяти впечатлѣнія... Кто побойчѣе — выпрыгивали изъ вагона, собирали по откосамъ какую то жалкую растительность, нѣчто вроде мха, пригоршнями ловили брызги водопадовъ, смѣялись, хохотали... Съ нами ѣхала молодая чета новобрачныхъ, они не разлучались вовсе и такъ замечались однажды, что чуть не остались на рельсахъ. Много оживленія вносили они своимъ медовымъ видомъ въ настроеніе прочей публики. А латинскіе ватеры переснимались во всѣхъ позахъ...

То тамъ, то тутъ пенелница... Слѣды жельза, скоростныхъ построекъ... Это этапы при постройкѣ этой желѣзной дороги. Теперь они — полнѣйшее раззореніе, безлюдье. Вотъ быстрый потокъ, и чрезъ него перекинуто исполинское дерево. Оно было само по себѣ Клондайкомъ для какого-то предпринимчиваго майнера. Онъ ухитрился подрубить и свалить это дерево какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ тысячамъ золотоискателей надо было переплывать черезъ ручей. И всѣ охотно платили полтинники за право сдѣлать нѣсколько шаговъ по стволу этого дерева. Не до экономіи, когда впереди груды золота и надо снѣшить и свѣшить... А вотъ и большой камен-

ный крестъ вилотную прислоненный къ скалистому обрыву горы: печальный памятникъ живо погребеннымъ при постройкѣ рельсового пути. Взрывали каменную громаду и цѣлой горой закрыло рабочихъ, и никакимъ искусствомъ инженернымъ нельзя было уже выволить ихъ—ни живыхъ, ни мертвыхъ... Но одни ли они — жертва этого Ваала, по крайней мере сотни милліоновъ долларовъ и десятки человѣческихъ жизней?..

Стало очень, очень холодно. Мы ѣхали уже среди снѣговъ. Зазябли. Публика примокла, и все были рады, когда, наконецъ, подкатили къ таможенѣ, нелѣпнѣйшему сараеобразному зданію, и направились къ пограничной линіи... Какъ то странно было на такихъ высотахъ, въ этихъ дикихъ, оторванныхъ отъ всего цивилизованнаго міра мѣстахъ, видѣть солдатъ двухъ націй въ военныхъ ихъ формахъ и при оружіи! Никакихъ вопросовъ однако никто изъ нихъ путникамъ не чинилъ, никакого осмотра не производилъ, и мы въ нѣсколько минутъ очутились у большаго камня, по одной сторонѣ котораго была надпись «Соединенные Штаты», а по другой «Канада». Латинскіе кеендзы и тутъ очутились на высотѣ положенія: въ трогательной позѣ, пожимая другъ другу руки, стояли они два во владѣніяхъ дяди Сэма, и два подъ флагомъ британскаго льва, а сопровождавшая ихъ «миссъ» своимъ кодакомъ увѣковѣчивала эту группу. Тутъ же, на самой границѣ, примостился какой то предпримчивый торговецъ и продавалъ въ три-дорога зонтики, брошки, булавки и пр. изъ самородковъ клондайкскаго золота.

Главный кондукторъ сталъ было прельщать пассажировъ предложеніемъ проѣхать еще одну станцію, до озера. — и цѣна дескать невелика, всего по цѣлковому съ лишнимъ, и виды несравненные, но все наотрѣзь отказались: устали страшно и проголодались, таяло назадъ домой, на пароходъ... Таковъ человѣкъ! Мы уже почти равнодушно проѣзжали мимо тѣхъ картинъ, которыми только что такъ увлекались, и только

время отъ времени общее восхищеніе захватывало снова всѣхъ... А поѣздъ спускался все ниже и ниже, просвѣтъ морской разрастался все шире и шире, и вдругъ надвигающіеся сумерки прорѣзались массой огоньковъ далеко внизу. Огненные языки то разрастались въ большое пламя, то исчезали, чтобы вспыхнуть снова. Трудно было угадать, что это такое, и только когда мы подѣхали совсемъ уже къ городу, то увидѣли, что эту иллюминацію производитъ какой то человѣкъ, поливая керосиномъ древесные шиш и сжигая ихъ. Самый ординарный доморощенный способъ, а зрѣлище получалось фантастическое и достойнымъ образомъ завершало все нами въ этотъ день видѣнное. Впрочемъ, было и другое окончаніе нашего путешествія. Новобрачную чету, послѣ ихъ медовой съ нами поѣздки, подстерегли при выходѣ изъ вагона многочисленные друзья ихъ, и такъ усердно засыпали рисомъ, что всѣмъ спутникамъ ихъ пришлось поскорѣе уходить во свояси. И опять зашагали мы по безконечной досчатой пристани, искренно радуясь перспективѣ скораго отдыха въ каютѣ, на своихъ хотя и не очень удобныхъ ложахъ.

Надеждѣ нашей однако не суждено было сбыться и ночь эта была одна изъ безпокойнѣйшихъ. До сихъ поръ не могу додуматься, какими продуктами начинилъ свой трюмъ Dolphian подъ каютами за время нашего отсутствія, но продукты эти такъ насыщали воздухъ своими ароматами, что оставаться въ каютѣ было настоящей пыткой. И вотъ во всѣхъ трехъ этажахъ нашей каюты, и въ архіерейскихъ покояхъ, въ бельэтажѣ, и въ подвальному помѣщеніи, гдѣ разложился съ больными ногами о. діаконъ, и на вышкѣ, куда взобрался я, бѣдные путники ворочались безъ конца, напрасно стараясь забыться. О. Всеволодъ просто изнывалъ, и глубоко-глубоко издыхалъ...

— Что, діаконъ, кряхтишь? Кряхти — не кряхти, все равно скоро умирать придется...

— «Слушаю, Ваше Высокопреосвящен-

тво»...

— Фу ты, чудной какой... Говорю, такъ болѣть будешь, то и кости здѣсь скоро сложись...

— »Благословите, Владыко свѣтый»...

— Эхъ!.. Вздыхаетъ Владыка... Ну какъ съ тобой говорить?..

Но усталость беретъ свое, и изнуренные, мы забываемся наконецъ тяжелымъ, неспокойнымъ сномъ, не замѣчая, что Dolphian уже снялся съ якоря и несетъ насъ по водамъ пролива все ближе и ближе къ милой, желанной Ситкѣ.

Безыменная родная могила.

Впрочемъ, на утро была еще остановка. Причалили къ какому то военному форту, — названія, право, не помню, — собственно даже не къ самому форту, а къ какому то поселку при немъ. День былъ прекрасный. Издали доносились звуки духовного оркестра. Женское сословіе со свойственной его природѣ въ такихъ случаяхъ подвижностью закружилось по палубѣ, и чуть пароходъ перекинулъ трапъ, понеслось парами по направлению къ чуть видѣвшейся зеленой площадкѣ, откуда слышна была музыка. Времени пассажирамъ на прогулку предоставлено было достаточно, и сидѣть на палубѣ не хотѣлось. Куды люди — туды а... По берегу небольшого тихого залива шла пыльная широкая дорога, а немного выше — вилась почти незамѣтная тропиночка между деревьями и кустарникомъ. По ней и направилъ я стопы свои и, услаждаясь утреннимъ благораствореніемъ воздуха, созерцая тихую, спокойную природу, не замѣтилъ, какъ очутился среди могилъ. Каменныхъ памятниковъ почти не было, и въ деревянныхъ много раззоренныхъ временемъ и недосмотромъ... Но каково же было мое изумленіе, когда здѣсь увидѣлъ я большой деревянный осьмиконечный крестъ, рѣзко выдѣлявшійся среди крестовъ и памятниковъ другихъ формъ. Напрасно искалъ я надписи, помѣтки. Имя единовѣрца моего было невѣдомо, и оставалось только

помолиться о немъ, и повторить съ почетомъ:

«И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:

«Въ бою-ли, въ странствіи-ль, въ вол-

нахъ,

«Или сосѣдняя долина

«Мой приметъ обветшалый прахъ?..»

Была тутъ и своя поэзія. На сосѣднемъ свѣженькомъ каменномъ крестѣ четко высѣчено было двустишіе:

«A little time on earth he spent,

«Till God for him His Angels sent.»

Но вотъ и фортъ. Здѣсь жизнь кипѣла во всю: выкорчевывали и уравнивали землю, копали рвы, строили еще новые домики въ линію съ уже построенными по одному шаблону стрыми съ бѣлымъ постройками. Чистота образцовая. Зеленая площадка, которую видѣли мы съ палубы парохода, оказалась огромнѣйшимъ лугомъ, въ самомъ центрѣ котораго практиковался военный оркестръ, играя маршъ за маршемъ къ величайшему удовольствію нашей парходной публики, которая безцеремонно усаживалась на травѣ вокругъ музыкантовъ и щедро награждала исполнителей шумными аплодисментами. Нѣсколько по-отдалъ время отъ времени раздавались громкіе взрывы и огромные клубы дыма и пламени указывали мѣсто, гдѣ пристрѣльивались пушканы, а еще въ сторонѣ маршировали подъ команду и барабанный бой американскіе солдатики. Это и есть главный военный постъ для всей Аляски, ибо послѣ недавнихъ вспышекъ индіанъ чуть не повлекшихъ общую жестокою роковую рѣзню, опираться на малочисленную роту моряковъ-солдатъ въ самой Ситкѣ было неразумно. Мѣсто форта — на рѣдкость прекрасное и къ цѣлямъ своимъ подходящее. Вездѣ почти по берегамъ Аляски крутыя, прямо изъ воды вверхъ вырастающія горы, а здѣсь ровная плоскость — маршируй, стройся, продѣлывай какіе угодно маневры. Интересно поглядѣть на все это было. И однако уже раньше назначеннаго времени всѣ на пароходъ возвратились. Не завидуемъ вамъ, милые солдатики! Маршируйте веселые играете, по у васъ съ тоской по-

время, право! И мы искренно порадовались последнему святку нашего Дельфина... Скоро в Ситку. Слава Тебѣ, Господи!

Невозвратное время.

Ситка, Ситка! Кто скажетъ прелесть твою? Кто тебя воззоветъ тихимъ, сердечнымъ словомъ, тихимъ, какъ тиха ты сама, сердечнымъ, какъ сердечно въ тебѣ и мягкое небо, и мягкія воды, какъ сердечна вся ты, полупризрачная, полупрозрачная, словно что-то таинственное, неразгаданное таящая въ себѣ...

Нѣтъ тебѣ въ американскомъ языкѣ много имени — какъ «beautiful»... Но ты для нихъ, для новыхъ взглядовъ своихъ, только именно beauty, красивымъ лепесткомъ влетающая въ лирианды природныхъ красотъ ихъ великой страны... Но чувствуетъ ли сердце ихъ то, что чуемъ мы, родные твои? Трепещетъ ли ихъ душа, созерцая тебя, какъ трепещетъ близкая тебѣ наша душа?... Мучитъ ли ихъ та нѣжная боль, что томитъ наше все существо?...

Земля ты родная! Забудетъ ли тебя русскій человекъ? Вѣкъ цѣловать будетъ онъ красоту твою, но не ту красоту только, какою какъ пышною ризой одѣта ты міра Творцомъ, а красоту былого, святаго, заветнаго... Не тебя ли исходить вдоль и поперекъ богатырь миссиі русской, Церкви православной святитель, Алеутскій апостоль? Не тебя ли вспахали и оросили его труды? Не его ли посѣвъ возрастить юную церковь Аляски, не его ли имя и доселѣ на устахъ всѣхъ и cadaго здѣсь?..

Въ чужую семью отдана ты, но все плачетъ мать по своей дочери... Бѣдные, бѣдные вы, герои прошлаго, что съ такою вѣрою шли въ этотъ далекій край, что добывали славу и честь своей Руси великой, не щадя живота своего и крови!.. Нѣтъ мира дорогому праху вашему! Но живете вы и вѣчно будете жить въ исторіи этой чудной земли, и долгіе годы

не сотрутъ о вашихъ доблестяхъ памяти...

Въ тотъ день роковой знамя русское не хотѣло покинуть своего поста. Въ послѣдній разъ раскинуло оно, словно раненый орелъ свои крылья... и затрепетало, когда человѣческая рука собралась посягнуть на его царственную свободу... Умирать, такъ умирать славною смертью... Ближе, ближе къ своимъ... И точно живое одушевленное существо, не сдался онъ въ руки чужихъ, доблест-

Преосвящ. Павелъ Новоархангельскій, послѣдній епископъ русской Аляски. При немъ она была продана С. Штатамъ.

ный русскій флагъ, такую цѣною добытый, а какимъ то необычайнымъ порывомъ распластался въ воздухѣ и упалъ, не желая пережить своей славы, на родные русскіе штаны... О, этотъ ужасный день 18 Октября 1867 года!

Въ половинѣ четвертаго часа по полудни въ этотъ день злополучный, формально передана была Аляска Россіей Соединеннымъ Штатамъ Америки.

У порога Ситки.

Вотъ почему, съ совершенно особымъ чувствомъ подѣзжаетъ русскій православный человекъ къ Аляскѣ, и волнуется приближаясь къ Ситкѣ. Прошлое рветъ въ воз-

духъ. Куда ни взглянешь — былое кричитъ полнымъ голосомъ. Свое былое — русское! Куда ни ступишь — все хранитъ преданія, и хоть истина здѣсь переплетена зачастую съ легендами, преданія тѣ волнуютъ русскую душу. Входишь въ область пережитого, имъ полно все твое существо... Даже сны получаютъ мѣстный колоритъ, и возстановляютъ полную трагическихъ сценъ и событий исторію этого края...

И вотъ ждали мы, простирая взоры въ даль, ждали уловить первыя очертанія Ситки. Скоро ли?..

Но случилось то, что часто случается въ подобныхъ случаяхъ... Не было ничего, и вдругъ, точно ихъ подъ землей, выросла она совсѣмъ близко. Радостные возгласы «Ситка» раздались тогда, когда она уже красовалась предъ нашими восторженными взорами. Какъ не узнать ее, съ этими оберегающими ее день и ночь грозными стражами — исполинскими вулканами — горами, съ этими живописно разсѣянными предъ нею чудными островками, съ этой побережной, застроенной рядомъ чистенькихъ дѣмиковъ и заканчивающейся прелестной рощей съ массой индіанскихъ разукрашенныхъ національно-родовыхъ столбовъ, полосой и, наконецъ, съ этой первоцѣльной исторической, благословляющей «Ситку-старушку» православной церковью, когда то русскимъ кафедральнымъ соборомъ... Руки плохо справлялись съ увязкой дорожныхъ вещей, глазъ нельзя было оторвать отъ святыни... Вотъ онъ хранитель православія въ этой странѣ, нашъ святой крестъ! Вотъ оно насажденіе престопамятнаго Иннокентія, на московскій митрополитскій постъ позднѣе вознесеннаго! Звонять колокола, переливаются, праздникъ великій возвѣщаютъ, — пришествіе Архипастыря долго жданаго!..

И Владыка уже былъ тамъ духомъ и сердцемъ. Истово перекрестился онъ, уста прошептали благословеніе, и святительски осѣнилъ онъ это дорогое, когда то русское селеніе, эту драгоценную святыню и паству, которая уже тѣнилась на пристани, стремясь

привѣтствовать роднаго Архипастыря!.. Гряди къ ней, Владыко святыи! Во имя Господне гряди!

У Ситкинскихъ святынь.

Волновались мы. Но крайней мѣрѣ, про себя такъ скажу. Но тѣ, кто на берегу были, еще болѣе волновались. Впереди стояли съ обнаженными головами настоятель Собора, о. благочинный Андрей Кащеваровъ и о. Александръ Вячеславовъ, преподаватель Семинарии, а рядомъ съ ними почтеннѣйшаго вида уже сѣдой господинъ, въ которомъ безъ труда можно было узнать кафедральнаго старослу Сергія І. Костромитинова. Ихъ окружали воспитанники семинарии и приходской школы, и прихожане — бѣлые и изъ туземцевъ. Трогательно привѣтствовали все они Высочайшеосвященнѣйшаго Владыку, и благословившись — устремились въ Соборъ, чтобы уготовать тамъ и церковную встрѣчу. Переходъ отъ пристани до храма самый короткій. По пути на навели, какъ и обычно къ приходу парохода, размѣщались индіане старики и старухи, торговцы мѣстными издѣліями, изъ нихъ многіе православные. Бросивъ товаръ свой, устремились они теперь къ Владыкѣ, цѣлуя его руки и улыбаясь по дѣтски... Замѣчательная эта улыбка! Кое-кто даже по русски пытался привѣтствовать, а колошинское С. І. Костромитиновъ безъ затрудненія передавалъ своимъ удивительно-симпатичнымъ русскимъ выговоромъ, наслѣдіемъ отцовъ, видныхъ когда то сановниковъ, исконыхъ русскихъ людей!.. Нѣсколько шаговъ и сквозь широко отворенныя двери представала внутренность благолѣпшаго храма, сіявшая огнями свѣчей и лампадъ, блескомъ ризъ пасхальныхъ, чистотою окладовъ на образахъ. Всеторжественнѣйше, по чину встрѣтить тутъ соборъ Первосвятителя Церкви Американской; добрую — къ мѣсту — рѣчь о. настоятель сказалъ, радованіе паствы Аляскинской свидѣтельствуя о прибытіи роднаго Архипастыря, о вступленіи еще впервые святителя въ санъ Архипіекопа подъ своды

Ситкинскаго храма. Помолвившись подъ пѣніе задостойника и приложившись къ св. престолу и святынямъ, Его Высокопреосвященство обратился съ первымъ своимъ Архипастырскимъ поученіемъ къ Ситкинской паствѣ. Но чуть раздалось Владычье слово, — ступенькой ниже на солеѣ выросъ въ епихарѣ туземецъ и на гортанномъ парѣчій лицомъ къ народу началъ что-то быстро-быстро говорить... Вадрогнули мы всѣ отъ неожиданности, совершенно неподготовленные къ этому обстоятельству. Владыка удивленно взглянулъ на оратора...

«Переводчикъ», — разрѣшилось недоумѣніе.

Такъ вотъ какъ говорятъ здѣсь поученія!.. Опять нѣсколько словъ Владыки, и опять гортанное колошинское парѣчье... Нѣтъ, право, нужна привычка. Заслушаешься, пожалуй, колоша, и свою нить оборвешь, растеряешься. А Его Высокопреосвященство точно вѣкъ провелъ среди такихъ неожиданностей. Несмотря на перерывы, рѣчь лилась гладко, свободно, положеніе логически вытекало изъ положенія, и легко поддавалось переводу, легко запечатлѣвалось въ памяти слушателей. Выказалъ Владыка чувства волнующія его сердце въ эти минуты вступленія въ храмъ, гдѣ все памятью о Просвѣтителѣ Алеутскомъ, первомъ Архипастырѣ Церкви Аляскинской, вступленія въ среду чады духовныхъ этого святителя, создавшаго сей прекрасный храмъ, давшаго во всемъ всѣмъ добрый образецъ — своимъ дѣломъ и словомъ.

Идетъ ли паства Аляскинская путемъ имъ указаннымъ, или сошла съ него? Соблюдаетъ ли завѣты его, или забыты они? Хранить ли наслѣдіе его, или расхищено оно?.. Ревнуя о благѣ сего стада словеснаго пришелъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка въ эту древлепрестольно столицу американскаго православія изъ своего новаго кафедральнаго грата, съ привѣтомъ отъ Преосвященнѣйшаго Александра Аляскинскаго, съ желаніемъ лично поклониться святынямъ Сит-

кинскимъ, съ желаніемъ добрыхъ дѣлателей

Высокопреосвященный Платонъ, по выходѣ изъ собора въ день прибытія въ Ситху. По правую руку Владыки о.о. А. Кашеваровъ и А. Вячеславовъ; по лѣвую — кафедр. староста С. І. Костромитиновъ и дѣвочка съ поднесеннымъ Архипастырю букетомъ роскошныхъ живыхъ цвѣтовъ.

ободрить, слабыхъ и немощныхъ укрѣпить, нерадивыхъ исправить и научить...

Образы прошлаго.

Не умѣю передать впечатлѣній испытанныхъ въ этотъ счастливый день. Боже мой, какъ молитвенно-хорошо чувствуется въ Ситкинскомъ храмѣ! Онъ церковностью обвѣваетъ посѣтителя. Нѣтъ во всей миссіи Американской другаго такого храма! Священной стариной церковной вѣсть отъ всей его постройки, — въ срубъ, — даже отъ плана, выдержаннаго, простаго, ирактичнаго; — отъ образовъ старинной живописи, въ тяжелыхъ массивныхъ окладахъ, — какихъ больше нигдѣ въ Америкѣ не найдешь... Кое-что и убого, но какъ достойно! Русское зодчество!.. Настроеніе — умилительное. Ждешь, вотъ-вотъ изъ раскрытыхъ царскихъ вратъ выйдетъ величественный іерархъ Иннокентій... Такъ все здѣсь глашаетъ о немъ, такъ все дышитъ о немъ воспоминаніемъ. Сбравшись мы прославлять блаженнаго старца Германа, спасавшагося на о. Еловомъ, что у Кадьяка. Вѣчная память ему, но у Аляски есть другою несомнѣнной святой — просвѣтитель алеутско-колошинскій Иннокентій Веніаминъ! Истинный подвижникъ, истинный апостоль! Имя его окружено на Аляскѣ почита-

нѣмъ чрезвычайнымъ не среди православныхъ только, а и среди чужихъ, православно-враждебныхъ даже людей. Лѣтописцы Аляскинскіе, въ цѣлыхъ томахъ описывавшіе личностъ и труды другаго дѣятеля Аляски Дункана, стижавшаго себѣ тоже безсмертіе здѣсь миссіонерскими трудами, ставятъ его все таки только у подножія пьедестала, на который судомъ человѣческимъ поставленъ нашъ преспомянутый митрополитъ Иннокентій! Исторія Аляски не знаетъ ему равнаго!

И невидною гордостью, счастливымъ чувствомъ бьется сердце православнаго русскаго человѣка видящаго теперь, что не напрасны были труды этого великаго дѣятеля!.. Но къ чему и писать о томъ, что читателямъ «Вѣстника» извѣстно и переизвѣстно? Посему даже собора, съ его главною достопримѣчательностью, извѣстной всему міру иконою Богородицы, описывать подробно не буду, ибо прекрасныя статьи объ этомъ помѣщены были — и не разъ — на страницахъ нашего скромнаго изданія...

Мы стояли теперь благоговѣнно созерцая эту святыню и радуясь, что Провидѣніе Божіе сохранило ее въ Ситкинскомъ храмѣ, хотя долгіе уже годы многіе охотники предлагаютъ за этотъ чудный обрядъ до 25 тысячъ долларовъ!.. Такъ неотразимо хорошо написано! Такъ неотразимо хорошо выраженіе глазъ Богоматери, полное тихой непередаваемой словомъ, въ самое сердце проникающей грусти... И изъ тысячъ туристовъ ни одинъ не почтетъ осмотра Ситки законченнымъ, если не наладится лицезрѣніемъ этой святыни!.. Найдется здѣсь еще многое и иное, что имѣетъ историческую цѣнность и интересъ, и о чемъ тоже не безъ волненія и благоговѣнія повѣствуетъ вѣрный стражъ дома сего добрейшій Сергій Іоновичъ, но въ глазахъ и своихъ и чужихъ это предметы уже второстепенныя... У всѣхъ путниковъ, у всѣхъ посѣтителей на языкъ одно — Ситкинская Мадонна. Она во всѣхъ книгахъ, во всѣхъ путеводителяхъ, во всѣхъ витринахъ мѣстныхъ магазиновъ ея изображенія... Глядятъ на васъ эти чистые прекрасные глаза — и не оторвешься

отъ нихъ: и на душѣ становится чище, яснѣе, спокойнѣе!.. Сергій Іоновичъ пришелъ въ умленіе видя, какъ Владыка разстроганъ созерцаніемъ храма, и подробно давалъ объясненія касательно его исторіи, живописи, утвари и пр. Въ одинъ разъ всего прослушать однако было немислимо и подробный осмотръ отложенъ былъ Его Высокопреосвященствомъ на иной день...

Зазвонили опять колокола, богомольцы засѣли подь благословеніе къ Архипастырю, и провожаемый громкимъ, дружнымъ «Гон-Деспотинъ», Владыка вышелъ изъ храма и направился къ архіерейскому дому Иннокентіевской-же постройки. Нѣтъ здѣсь каретъ, ибо и ѣздить негдѣ. На всю Ситку четыре домовика... Всюду горы и море, а по лѣснымъ чащамъ тропинки непроѣзжія. Да и путь отъ собора къ архіерейскому дому недолгій, — въ пять минутъ, миновавъ нѣсколько старинныхъ зданій и мельницу циклонической — по выраженію Его Высокопреосвященства — постройки, были мы уже у подъѣзда большаго деревяннаго дома, отдѣленнаго отъ моря огороженной частоколомъ небольшою лужайкой и дорогой, и глядящаго своими большими окнами и на море и на огромныя высоты вулкановъ. На высокихъ флагштокахъ развивались русскіе флаги — въ честь высокаго Гостя, но Владыка смотрѣлъ не на нихъ, а на прекрасныя два Иннокентіевскіе кедра, гордо вознесенныя главы свои къ небесамъ... Нельзя было ими не восхищаться. Такъ и манили они путника подь свою сѣнь...

— Не правда ли, прелесть какая? — обратился Владыка ко мнѣ. Ахъ, сколько воздуха здѣсь, какъ хорошо! Писать про Ситку будете, кедры не забудьте, слышите?... Кедры не забудьте! Красота-то какая!..

И войдя въ Архіерейскій домъ, помолившись въ крестовой церкви, Владыка широко распластнулъ двойныя оконныя рамы и весь пошелъ въ созерцаніе разстилающагося простора...

Прощайте тебѣ Ситха-старушка!

(Продолженіе слѣдуетъ.) А. Х.

АНГЕЛА-ХРАНИТЕЛЯ.

Какими помѣщеніи русскаго прекраснаго парохода «Курска», отбывающаго въ Либну изъ Нью-Йорка 14 Мая, чуть не на половину заняты были нашими православными миссіонерами и ихъ семействами. Проводили мы на немъ получившихъ отпускъ — кто по служебнымъ дѣламъ, кто для отдыха и свиданія съ родными, — секретаря Правленія, канцелярскаго ключаря о. І. Слюнина съ матушкой и дѣтьми, настоятеля Саутъ-Риверской церкви священника о. В. Рубинскаго со всей его семьей, семью священниковъ о. І. Григорьева и о. Т. Бондаренки... Улыбалась семья и иконописца С. В. Соколова... Проводы начались молебствомъ въ церкви, а на пристани собралась чуть не вся русская колонія Нью-Йорка и многие пастыри изъ окрестностей, прибывшіе проститься съ отъѣзжавшими. Какъ всегда, были и теплыя слова, и поцѣлун, и слезы... Всѣмъ мы желали благополучнаго пути и счастливаго — во время благопотребное — возвращенія...

Да порадуетъ же путешиковъ океанъ — спокойствіемъ, природа — погодкою! Скатертью имъ Атлантикѣ! Отъ насъ родинѣ привѣтъ и поклонъ земной! Святѣйшимъ помолитесь, за насъ свѣчечку поставьте, «здоровеньки и счастливыи до дому вертайтесь!»

Пролетятъ три-четыре мѣсяца скоро, и Богъ дастъ, съ «Курскомъ» же и встрѣчать уѣхавшихъ будемъ... Но всѣ ли вернутся?..

Невольно встаетъ въ памяти моей печальное лицо добраго нашего собрата о. Василия Рубинскаго. Истощенный тяжелымъ недугомъ, отпраплялся онъ теперь въ Россію не отдохнуть только, не свидѣться только съ родными, а полѣчиться въ родной землѣ. Давно точила его болѣзнь, но перемогался онъ и все надѣялся побѣдить эту бѣду... Уша! Гдѣ тутъ съ голосомъ потеряннѣмъ, горломъ воспаленнымъ, грудью ноющей, — гдѣ тутъ съ тяжелымъ пастырскимъ дѣломъ въ Америкѣ управиться? И доктора сказали, что

только родной климатъ можетъ о. Василия воскресить, силы ему возвратитъ, а съ ними возвратитъ и миссію нашей опытнаго отзывчиваго работника, столько души отдающаго меньшей братіи, такъ дѣло свое подлюбившаго и ставшаго такъ дорогимъ всѣмъ, кто о. Василия знаетъ!

Итакъ, если теперь о. Василий ѣхалъ въ отпускъ, то не на краткій. Оправится отъ недуга — снова его здѣсь увидимъ на миссіонерской нивѣ, не оправится — не увидимъ. Ибо здѣшнія условія жизни и работы не изъ легкихъ, климатъ во многихъ мѣстахъ — не изъ здоровыхъ, человекъ и покрѣпче о. Василия въ инвалида легко обратится...

Какъ то сразу, неожиданно собрался онъ въ путь, и, непредупрежденные, не успѣли мы его какъ слѣдуетъ почтить даже проводами. И всѣ умилились, когда послѣ напутственнаго молебствія Высокопреосвященнѣйшей Владыка Архіепископъ сказалъ нѣсколько отечески-теплыхъ словъ отъѣзжавшему и благословилъ его святой иконой Спасителя. Да утѣшаетъ Спаситель болящаго!

Этимъ пожеланіемъ полны сердца всѣхъ духовныхъ чадъ о. Василия и всѣхъ его собратьевъ. Во многихъ приходахъ пастырствовали онъ и вездѣ являлъ самоотверженность, скромность, беззребренничество, вездѣ стяжалъ славу убѣдительнаго прекраснаго умнаго проповѣдника. И въ Трой, и въ Ольдфордѣ, и въ Ловозѣ, и въ Ньюаркѣ, и въ С. Риверѣ. Въ Ньюаркѣ въ особо тяжелыхъ условіяхъ пришлось о. Василию проходить пастырское служеніе. Какъ въ прошломъ Мѣсяцѣ «Вѣстника» писали мы, временное помѣщеніе церкви здѣсь было такъ неудобно, такъ незащищено отъ вѣтра, сквозняковъ, мороза и пр., что и до того слабый организмъ о. Василия окончательно подался, а тутъ пришлось на своихъ плечахъ еще вынести сложное дѣло построения большаго каменнаго храма... Закончить это святое великое дѣло о. Василий, по на посвященіи храма уже не могъ сказать ни слова: голосъ отказался служить...

Будемъ молить Господа, чтобы Онъ передви́гъ отъ болѣзни собрата нашего, прѣзго рыба Своего, и благополучно — вкупи́ съ не́ми спутниками его — возврати́ть къ намъ!

X.

Походъ по Алеутскимъ островамъ.

Изъ бухты Провидѣнiя на Восточный мысъ (Дежнево).

1910 года.

Отслуживъ молебень 25 февраля, я въ 9 час утра на двухъ нартахъ отправился въ далекий походъ на Восточный мысъ, для проповѣди слова Божiя между непроевѣщенными Чукчами, живущими на прострѣвѣхъ, побережья Берингова моря. Чукчи дѣлятся на кочевыхъ, оленьихъ, которые живутъ по рѣкѣ Анадыру и его притокамъ и занимаютъ преимущественно оленеводствомъ, отчего и носятъ названiе оленьихъ, и сидячихъ приморскихъ, или — какъ ихъ еще зовутъ — собачьихъ, вѣдѣтвiе того, что собаки служатъ имъ главнымъ подспорьемъ въ жизни, безъ собакъ приморскiй чукча шагу не можетъ ступить, всякiя поѣздки и перевозки онъ дѣлаетъ на собакахъ, а олени чукчи это все дѣлаютъ на оленяхъ. Небольшая часть оленьихъ чукчей переселилась на побережье Берингова моря и смѣшалась съ сидячими (или носовыми) чукчами.

Въ спутники я взялъ съ собой и. д. псаломщика Стефана Рѣпина, а за переводчика — мѣстнаго стражника Василя Бычкова, не много понимающаго языкъ оленьихъ чукчей, ибо въ Дежневѣ чукчи въ большинствѣ говорятъ на нарѣчiи оленьихъ чукчей. Вмѣстѣ съ нами отправились еще четыре чукчи, на двухъ нартахъ, по своимъ торговымъ дѣламъ: одинъ изъ нихъ крещенный чукча, по имени Василий (Валяна), мой ученикъ, уже выучившiйся порядочно читать по русски, знающiй наизусть начальныя молитвы и довольно хорошо поющiй по церковному (бассомъ). Предполагать я отправиться въ сей походъ еще въ январѣ мѣсяцѣ, но вѣдѣтвiе почти ежедневныхъ пургъ и мятелей, какъ это обыкновенно (по рассказамъ чукчей) почти всегда бываетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ въ январѣ мѣсяцѣ, пришлось отложить поѣздку до сего времени, теперь же, хотя вѣтры и не прекращаются, но по крайней мѣрѣ прояснилось, Богъ знаетъ на долго ли, и мы рѣшились двинуться.

Дула произвольный сѣверо-восточный вѣтеръ, вѣлалъ все тундрой, между горами съ пересѣкающими ихъ нѣсколькими озерцами; дорога ровная и довольно исправная, за исключениемъ немногихъ мѣстъ въ особенности на спускахъ, гдѣ нарты погрязли въ рыхлой снѣгѣ и часто опрокидывались; въ другихъ же мѣстахъ вѣхали очень быстро и къ 3-му часу пополуночи прибыли на островъ Этигрени, въ селенiе Напахута. Помѣстались въ прострѣвѣхъ ерангѣ одного лажночнаго Чукчи, который привалъ нашъ очень любезно. Новые чукчи устраиваютъ свои жилища, юрты или, какъ ихъ здѣсь зовутъ, еранги, изъ дерева и изъ жердей; доски они достаютъ отъ американцевъ (ибо дѣся здѣсь нѣтъ); на верху жердей покрываются шкурами сшитыми по нѣскольку выѣтъ. Внутри такой еранги полъ выстилается шкурами. Еранга бываетъ приблизительно ширины 10 въ длину и около 5 въ ширину — у бѣдныхъ чукчей, а у состоятельныхъ гораздо прострѣвѣе; внутри еранги, ставятся на столбахъ пологи, покрытые оленьими шкурами, гдѣ и помѣщается вся семья. Пологи освѣщаются свѣтильниками, устроенными изъ жести; эти жестиныя плоски наполняются перламутромъ жиромъ, вмѣстѣ фитиль заправляется мохъ; свѣтильниковъ ставится нѣсколько внутри полога, и они какъ освѣщаютъ, такъ и нагреваютъ пологи, такъ что становится даже жарко.

Прибыли мы въ селенiе какъ разъ во время, ибо по прибытiи нашемъ вѣкорѣ начала усиливаться пурга, небо заволокло тучами и къ 5 часамъ вечера мятель и вьюга бушевала ужасная; захвати она насъ раньше прибытiя въ селенiе едва ли бы мы и добрались до него, ибо пось трудно выстать изъ дворъ изъ еранги, а не то, что вѣхатъ, да еще тундрой, во время такого ненастья! Мракъ непроглядный, только слышеть рѣвъ свистъ разнырающейся стужи, въ ерангѣ и то становится жутко.

Селенiе Напахута расположенное на островѣ Этигрени, вблизи морскаго берега, состоитъ изъ 11-ти ерангъ и 1-го домика (американской постройки) для склада товаровъ. Жителей въ немъ приблизительно душъ до 70 и живутъ лажночно, гораздо состоятельнѣе чѣмъ въ бухтѣ Провидѣнiя. Мы, устроившись въ ерангѣ, принялись княжить на примусѣ чай; пить у чукчей не имѣется, ибо нѣтъ чѣмъ проталкивать изъ (за немѣнѣемъ дрожъ), а воду для чая, и вообще для всякой надобности, вскипячиваютъ на примусѣ, разогрѣвая его веросникомъ или га-

зелиномъ. Попивши чаю съ сухариками и поѣвши вареныхъ бобовъ, который мы приготовили для пути, въ достаточномъ количествѣ, еще въ 6. Провидѣнія, съ 6 ч. вечера, начали вечернія молитвы и проѣли Символъ вѣры. Вышеупомянутый мой ученикъ Василій Валяна пѣлъ басомъ достаточно хорошо, что меня весьма радовало!

По окончаніи молитвы бесѣдовали съ чукчами черезъ переводчика о вѣрѣ Христа и учил крестному знаменію, объясняя значеніе его. Съ 10 час. веч. подъ пріятную музыку, шумъ и свистъ бушующей вьюги, пошли ко сну, расположившись въ ерангѣ кто какъ попало, но сейчасъ же, потревожили нашъ сонъ маленькіе звѣрьки; набросившись, начали жалить насъ немилосердно, но мы ужъ на этотъ пустякъ мало обращали вниманія, свыкшись съ ними еще въ Аляскѣ (дѣлая тамъ походы): не впервые испытываемъ это удовольствіе. Очевидно, черезчуръ ихъ ужъ много водится ихъ у чукчей, что не успѣваютъ ихъ поѣдать, а еще хватаетъ достаточно и на то, чтобы тревожить гостей. (Чукчи ѣдятъ вшей).

Февраля 26-го. Пурга все еще свирѣпствуетъ; продолжать путь въ такую погоду немыслима, и мы сидимъ на мѣстѣ. Съ 10 ч. утра совершены великопостные часы и затѣмъ собесѣдованіе о православной вѣрѣ; слушателей было до 30 душъ. Вьюга бушевала весь день и мы все еще буквально сидимъ у моря и ждемъ погоды. Съ 7 час. веч. совершенно повечеріе, послѣ коего училъ чукчей крестному знаменію съ объясненіемъ. Съ 9 час. ночи послѣ ужина пошли ко сну. Мятель начинается пріутихать.

Февраля 27-го. Вставши въ 4 часа утра и попивши на скоро чаю начали собираться въ дальнѣйшій путь, ибо погода, — слава Богу, — исправилась, пріутихло, хотя и облачно. Уложивши походныя вещи въ нарты, съ 5½ час. двинулись дальше. Началъ падать небольшой снѣгъ, подуваетъ и небольшой сѣверный вѣтеръ, при сильномъ морозѣ порядочно шиплетъ онъ щеки и коченѣютъ руки и ноги. Ъхали все морскимъ проливомъ, на пути попадалось множество ледяныхъ глыбъ. Марты часто опрокидывались, подвигаться впередъ было очень трудно между нагроможденными льдинами. Весьма усталые къ 2½ часамъ пополудни добрались до селенія Аляюнъ, состоящаго изъ 4-хъ ерангъ, въ коихъ проживаетъ до 25 душъ жителей; насъ пріютили въ одной изъ лучшихъ ерангъ; хозяинъ оной оказался весьма любез-

нымъ, принялъ насъ радушно, и даже бесплатно предложилъ кормъ для собакъ. Вскипятили на примусѣ чай и попивши онаго, я началъ бесѣдовать черезъ переводчика о христіанствѣ и о необходимости крещенія для достиженія Царствія Божія. Слушателей съ моими спутниками было до 20 душъ. Съ 6½ час. вечера совершенно воскресное всенощное бдѣніе, послѣ коего говорилъ о Воскресеніи Спасителя. Съ 10 ч. ночи пошли на отдыхъ.

Февраля 28-го. Съ 7 час. совершивши обѣдницу, отправились дальше. Пасмурно, и дуетъ небольшой сѣверо-восточный вѣтеръ, дорога прескверная, почти на всякомъ шагу попадаютъ снѣжныя ложбины и ледяныя глыбы. Къ полудню вѣтеръ началъ усиливаться съ промежуточнымъ снѣгомъ, грозитъ пургой, которой такъ боятся путники. Ъхали все тундрой, вблизи морскаго берега. Въ первомъ часу пополудни, мой каюръ (проводникъ) направился къ берегу моря, желая продолжать путь моремъ; мы находились между плоскогоріемъ. На спускѣ горы къ морю, передовыя нарты, на которыхъ я сидѣлъ, быстро помчались внизъ, и не успѣлъ я осмотрѣться, какъ и мои спутники рванулись тоже быстро впередъ; предполагая, что вѣроятно что нибудь не ладно, я на ходу выпрягнулъ изъ нарты, за мной повыпрыгивали и прочіе люди, шедшіе на двухъ нартахъ позади меня. А послѣднія, четвертыя нарты какъ то успѣли удержаться. Передъ нами три нарты куда то быстро исчезли. Ихъ не видать, только проводникъ, ѣхавшій впереди всѣхъ, стоитъ на обрывѣ скалы и смотритъ внизъ; подходимъ къ нему и смотримъ: а наши нарты и собаки найдутся внизу на плоскомъ горномъ хребтѣ; передовыя нарты остановились не болѣе какъ на аршинъ отъ кручи горной скалы, ихъ удержала горная плоскость и снѣгъ, но если бы не было тамъ снѣгу, то едва бы они уцѣлѣли: они потянули бы за собой собакъ и побились бы въ дребезги о ледяныя глыбы, на морскомъ берегу: ибо скала обвисла на нѣсколько сажени внизъ. Мы, обойдя вокругъ горнаго кряжа, спустились внизъ и начали осматривать нарты. Благодареніе Господу, онѣ оказались въ цѣлости, только при паденіи, пострадали двѣ собаки: одной нарты ущемили ногу и бѣдное животное начало хромать, а другой, повидимому, придавило бокъ, потому что очень ежилась и дальше отказывалась бѣжать, почему пришлось нѣкоторое время везти ее на нартахъ. Когда поглядѣли послѣ снизу вверхъ, то просто самимъ себѣ не

вѣрили, какъ это удалось благополучно и такъ легко отдѣлаться, наткнувшись на такую страшную горную кручу, самъ Господь Богъ спасъ насъ отъ катастрофы. Дѣло въ томъ, что провожатый, не зная здѣшнихъ мѣстностей, захотѣлъ съѣхать съ морскаго берега въ море и ему показалось издали, что это самое удобное мѣсто для спуска (кручи онъ не замѣтилъ), а между тѣмъ спускъ оказался очень крутой. Хорошо еще, что было видно и можно было замѣтить опасность и спрыгнуть съ нарты спасая себя, ибо въ такихъ случаяхъ нѣтъ времени думать о нартахъ и собакахъ.

Дальше, когда отъѣхали мили двѣ отъ этого страшнаго мѣста, насъ незамедлила захватить пурга, но мы ѣхали по берегу моря возлѣ горъ, нѣсколько примѣтныхъ и мы подвигались впередъ не рискуя заблудиться. Къ 8 час. вечера съ трудомъ добрались до селенія называемаго Леринъ. Селеніе это расположено возлѣ моря на возвышенномъ мѣстѣ, и состоитъ изъ 11 ерангъ, въ коихъ, по словамъ чукчей, проживаетъ до 80 душъ мѣстныхъ жителей. Мы помѣстились въ ерангъ состоятельнаго чукчи. Устали страшно. Подкрѣпившись пищей и помолвившись Господу Богу, пошли на отдыхъ.

Св. Четырдесятница.

Марта 1-го. Вставши въ 4 ч. по полуночи, совершилъ великопостные часы и, попивши чаю съ сухариками, съ 6 ч. утра выѣхали изъ селенія въ путь.

Погода нѣсколько прояснилась, дуетъ сѣверный небольшой вѣтеръ съ морозомъ, который сильно даетъ себя чувствовать, щеки горятъ, ноги зябнутъ. Чаще приходилось идти пѣшкомъ, то поднимаясь вверхъ по горамъ, то спускаясь внизъ, по крутой горѣ. Продолжать путь по гористымъ мѣстамъ невыносимо тяжело. Щеки пронизываетъ вѣтеръ съ морозомъ, а рубашка дѣлается мокрой, чуть сядешь на нарты, моментально замерзаютъ ноги.

Къ полудню прибыли къ берегу моря. При спускѣ внизъ, на морскомъ берегу о глыбы льдинъ побились одиѣ нарты, на которыхъ ѣхалъ стражникъ Василій Бычковъ: чукчи, наши спутники, остановились починять ихъ, насколько возможно, связывая ремнями и веревками, а я, между тѣмъ, съ Стефаномъ Рѣпнымъ и стражникомъ отправились моремъ пѣшкомъ къ селенію по имени Пинаконгъ, до котораго остается около 3-хъ миль разстоянія, куда и прибыли къ 2-мъ часамъ по полудни;

спустя часъ времени, прибыли туда и наши спутники, съ большимъ трудомъ дотащивъ попорченныя нарты. Селеніе Пинаконгъ находится при спускѣ горы, возлѣ бухты, въ немъ всего только 2 еранги, въ коихъ проживаетъ 2 семейства, состояща изъ 11 душъ. Насъ помѣстили въ одной изъ сихъ ерангъ. Вскипятивши чай и подкрѣпившись, мои спутники принялись исправлять попорченныя нарты, дабы дать возможность продолжать путь: хорошо, что у хозяина еранги, у котораго мы помѣстились, были инструменты и винты и намъ удалось починить нарты какъ слѣдуетъ.

Съ 7 ч. вечера совершено великое повечеріе, послѣ коего было собесѣдованіе о православнои вѣрѣ и нравственности. Въ 10 ч. почили ко сну.

Марта 2-го. Съ 5 ч. утра, помолвившись Богу и попивши чаю, отправились дальше. ѣхали все тундрой между горами миль до 25-ти; затѣмъ моремъ и опять тундрой. Къ полудню ѣхать было еще сносно, хотя и шелъ небольшой снѣгъ при небольшомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, съ полудня же разыгралась сильная пурга и мы съ трудомъ добрались до селенія Паутынъ къ 5 ч. вечера. Въ семъ селеніи 4 еранги съ 26 обитателями. Помѣстившись въ одной изъ ерангъ и, послѣ краткаго отдыха, подкрѣпившись пищей, принялся я за проповѣдь слова Божія; говорилъ чрезъ переводчика вкратцѣ о домоостроительствѣ нашего спасенія, и о необходимости св. крещенія для возрожденія въ жизнь вѣчную. Чукчи сказали, что это ученіе имъ нравится и современемъ они примутъ св. крещеніе. Слушателей было 18 душъ. Послѣ бесѣды совершено великое повечеріе. Съ 10 ч. вечера, подъ шумъ разбушевавшейся вьюги, пошли на отдыхъ.

Марта 3-го. Вставши въ 5 ч. утра и сотворивши обычныя молитвы — попили чаю и сейчасъ же отправились до селенія Эрмитаунъ. Портъ Дежневъ: станція помощника начальника Чукотскаго полуострова, въ разстояніи 23 миль отъ с. Паутынъ. Изъ этого селенія мы взяли проводника, потому что бухтой ѣхать теперь небезопасно; на бухтѣ находятся открытыя мѣста. Посему нужно объѣзжать кругомъ между горами, а нашъ проводникъ не знаетъ туда дороги. Шли около мили бухтой; затѣмъ поднялись вверхъ на гору; подъемъ былъ очень трудный по спуску горы; прошло около 2-хъ часовъ времени, пока отправили поверхъ горы всѣ 4 нарты. Миль до семнадцати подвигались

тундрой то поднимаясь, то спускаясь по возвышеннымъ мѣстамъ между крутыми горами; затѣмъ до самаго селенія моремъ, прибыли на мѣсто въ 1½ часъ по полудни.

Въ настоящее время здѣсь въ компанійскихъ постройкахъ проживаетъ уѣздный врачъ, въ истекшемъ году лѣтомъ командированный для Чукотскаго полуострова, г. Беттакъ, два мѣстныхъ стражника и торговый агентъ Чуринской фирмы, прибывшіе сюда одновременно съ врачомъ; послѣдняго въ настоящее время нѣтъ дома, отправился въ ближайшія селенія къ больнымъ пациентамъ.

Агентъ г. Марченко помѣстилъ меня въ своей комнатѣ, гдѣ помѣщается и онъ самъ вмѣстѣ съ докторомъ, а мои спутники пріютились въ другомъ домикѣ вмѣстѣ съ стражниками. Помѣщеніе, которое занимаетъ агентъ съ докторомъ, состоитъ изъ двухъ маленькихъ комнатокъ: одна изъ нихъ спальня, а другая столовая. Здѣсь же докторъ принимаетъ и больныхъ пациентовъ. Для совершенія богослуженій агентъ мнѣ предложилъ столовую комнатку.

Подкрѣпившись съ пути, пригласилъ людей на бесѣду. Собралось 11 душъ православныхъ (въ томъ числѣ 6 чукчей крещенныхъ мною въ Августъ мѣсяцъ истекшаго года) и 10 чукчей язычниковъ. Бесѣдовалъ о домостроительствѣ нашего спасенія и о необходимости Крещенія. По окончаніи бесѣды начали великое повечеріе и затѣмъ съ 7 час. веч. утреню.

Марта 4. Съ 9 ч. утра великопостные часы съ вечерней и бесѣда о покаяніи и значеніи исповѣди. Молящихся было 11 душъ и нѣсколько язычниковъ. Въ 4 ч. вечера начали великое повечеріе и утреню, по утрени говорилъ о вѣрѣ въ Бога и значеніи св. Крещенія.

Молящихся 11 душъ и 8 язычниковъ.

Марта 5-го. Въ 9 ч. утра начали великопостные часы съ вечерней и благословеніемъ колива съ цѣніемъ Канона Св. Великомученику Θεодору Тирону. Поученіе было сказано о вѣрѣ во Христа и о мученическихъ подвигахъ св. Великомуч. Θεодора Тирона. Молящихся было 11 душъ православныхъ и 9 язычниковъ, изъ коихъ 7 душъ пожелали св. Крещенія, и я, послѣ предварительнаго назиданія въ правилахъ православной вѣры, огласилъ ихъ и нарекъ имъ имена. Съ 4 ч. вечера совершенно великое повечеріе и утреня. Молящихся было 11 душъ и 7 оглашенныхъ, съ коими послѣ утрени бесѣдо-

валъ о православной вѣрѣ и училъ начальнымъ молитвамъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Игумень Амфилохій.

«0»

ОФФІЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

НАГРАЖДЕНІЯ.

Согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, 6-го сего мая, ко дню рожденія Его Императорскаго Величества, удостоены награжденія за заслуги по духовному вѣдомству слѣдующія лица:

С а н о м ъ П р о т о і е р е я: г. Юнкера, штата Нью Йоркъ, Троицкой церкви священникъ **Венедиктъ Турневичъ**; завѣдующій Эмигрантскимъ Домомъ въ Нью Йоркъ, священникъ Успенской при немъ церкви, **Петръ Поповъ**; наперснымъ крестомъ отъ Св. Синода выдаваемымъ: г. Оборнъ, шт. Нью Йоркъ, Николаевской церкви Іеромонахъ **Іоанникій**; к а м и л а в к о й: г. Ансоніи, шт. Коннектикутъ, Трехсвятительской церкви священникъ **Андрей Муриновъ**; г. Бултеръ, шт. Пенсильваніи, Преп. мученицы Параскевы церкви, священникъ **Филиппъ Средановичъ**; г. Майфильда, шт. Пенсильваніи, Предтеченской церкви, священникъ **Михаиль Скинбинскій**.

Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ, Архіепископомъ Алеутскимъ и С.-Американскимъ, удостоены награжденія: с к у ф ь е ю — казначей С.-Американскаго Духовнаго Правленія, настоятель Бронзвильскаго прихода священникъ **Іоаннь Чепелевъ**, н а б е д р е н н и к о м ъ — завѣдующій албанской православной миссіей, священникъ **Феофанъ Нолли**; настоятель Шептонско-Макъ-Адусскаго прихода, священникъ **Іосифъ Жолткевичъ** и настоятель Сейлемскаго прихода, священникъ **Тимоѳей Бондаренко**.

Редакторъ,

Каоедраальный Прот. А. Хотовицкій.